

ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГЕРМАНИИ И ЛИТВЫ В КОНЦЕ 2010-Х – НАЧАЛЕ 2020-Х ГОДОВ: ВОЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Ф. О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
117418, Россия, Москва, Нахимовский просп., 51/21

Поступила в редакцию 06.11.2023 г.

Принята к публикации 15.01.2024 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-4

© Трунов Ф. О., 2024

С середины 2010-х гг. ФРГ заметно скорректировала подходы к использованию бундесвера, перенацелив стратегическое внимание с зон в отдалении от Евроатлантического сообщества на деятельность внутри и вблизи него. Это актуализировало проблему поиска фокусных партнеров в Восточной Европе, углубления и расширения сотрудничества с ними. В статье исследуется эволюция политической и военной составляющих диалога Германии и Литвы на современном этапе. Показывается подход ФРГ к оценке фактора исторической памяти, стремление позиционировать себя в роли защитницы национальной государственности партнера. При этом в начале XXI в. имел место дефицит стратегического внимания Германии к Литве, что проявилось в спаде диалога 2014–2015 гг. В условиях конфронтации «западных демократий» и РФ ФРГ реализовывала стратегию плавного, но неуклонно нарастающего давления на Россию. Восприятие этого подхода в Вильнюсе менялось от негативного до все более позитивного по мере роста вовлеченности Германии в «сдерживание» РФ. Исследуется развертывание и наращивание (до «ядра» многосторонней бригады) контингента бундесвера в Литве под эгидой НАТО. Особое внимание уделено влиянию этого процесса на развитие политического сотрудничества, что показано на примере запуска (2018) и функционирования формата «В3+1» (страны Балтии и ФРГ) на высшем уровне. Делается вывод о появлении определенной зависимости от Литвы вследствие повышенного желания сохранить ее в качестве надежного младшего партнера.

Ключевые слова:

Германия, Литва, страны Балтии, историческая память, конфронтация, НАТО, силы передового развертывания, бундесвер, военное присутствие, переговорные форматы, межгосударственный диалог

Введение

С начала XXI в. ФРГ последовательно стремилась к занятию положения полноценного глобального игрока, однако на начало 2020-х гг. едва ли можно утверждать, что цель была достигнута. В десятилетие 2014–2023 гг. произошла кардинальная смена приоритетов Германии в вопросах использования внешнеполитического, особенно военного, инструментария. Сокращение стратегической активности ФРГ в отдалении от Евроатлантического сообщества — прежде всего в зонах нестабиль-

Для цитирования: Трунов Ф. О. Особенности сотрудничества Германии и Литвы в конце 2010-х — начале 2020-х годов: военные и политические аспекты // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 1. С. 61–80.
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-4

ности на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора как приоритета с 2000-х гг. — сменилось масштабным ростом активности Германии внутри и вблизи сообщества «западных демократий» в контексте «сдерживания» РФ. Особое внимание в плане развертывания контингентов бундесвера за пределами национальных границ стало уделяться ФРГ передовой части зоны ответственности НАТО, в первую очередь странам Балтии [1, с. 3—5]. Конфронтация с РФ стала ключевой по значению и объему вовлеченности составляющей участия официального Берлина в противодействии усилению наиболее активных держав не-Запада в целом (также КНР [2, с. 266—272] и Ирана).

Такое изменение акцентов означало пересмотр не итоговой цели — стремление к созданию глобального стратегического присутствия, а тактик достижения этого. ФРГ с момента образования (1949) была органично встроена в сообщество «западных демократий». Эта константа приобрела новое значение с середины 2010-х гг.: ослабление позиций вне Запада Германия стремилась компенсировать укреплением нитей сотрудничества с государствами-партнерами по НАТО и ЕС, особенно в вопросах «сдерживания» общих оппонентов. Однако феномены Брекзита и трампизма во второй половине 2010-х гг. с их многочисленными негативными последствиями [3; 4, p. 146—152], кризис развития сотрудничества с Францией в начале 2020-х гг. [5], сложности в диалоге с Италией [6], Польшей [7; 8] и Турцией отчетливо показали, что даже внутри Евроатлантического сообщества¹ существуют многочисленные ограничители для реализации лидерских амбиций ФРГ. В такой ситуации повышенное значение для нее приобретало выстраивание продвинутого сотрудничества с рядом малых и средних государств из числа «западных демократий» [9], готовых и способных быть надежными союзниками Германии, поддерживать ее претензии на увеличение веса и влияния в Европе и мире. К числу таких фокусных партнеров относился официальный Вильнюс.

Цель статьи — исследовать динамику, «узкие места» и промежуточные результаты стратегического диалога Германии и Литвы на современном этапе. Это потребовало решения следующих задач: изучения исторического фона отношений, выявления причин повышенного стратегического интереса Германии к Литве на современном этапе, раскрытия особенностей их сотрудничества в военной сфере и определения отличительных черт политико-дипломатических контактов, особенно использования формата «В3+1». В статье кооперация будет освещаться в основном со стороны ФРГ, так как она обладала существенно большей ресурсной базой и уже в силу этого претендовала на роль старшего партнера в отношениях.

Зарубежные и отечественные исследователи изучали взаимодействие Германии с государствами Балтии, в меньшей степени непосредственно с Литвой, со времени окончания предшествующей Холодной войны [10; 11]. Однако многие работы из-за естественных причин имели верхней хронологической рамкой начало или середину 2010-х гг. [12; 13], когда наблюдалось «проседание» диалога. Соответственно, феномен резкого подъема его качества и объемов в сфере безопасности и обороны с конца 2010-х гг. еще изучен недостаточно подробно [14; 15], часто лишь по касательной в контексте общего увеличения напряженности в Балтийском регионе [16—19]. Освещение эволюции военного присутствия Германии в Литве, особенностей их контактов на полях формата «В3+1», особенно в начале 2020-х гг., носило скорее обрывочной характер, эти два трека были осевыми для исследуемого диалога.

¹ Под Евроатлантическим сообществом понимается совокупность государств — членов НАТО и ЕС.

В статье использованы методы сравнительного анализа (например, при сопоставлении подхода ФРГ к развертыванию военного присутствия в Литве на различных этапах развития конфронтации с РФ), контент-анализа (в частности, при исследовании содержания документов встреч в формате «В3+1»). Используются положения теории строительства вооруженных сил (ВС): она рассматривает их как постоянно эволюционирующий организм, каждое сколько-нибудь масштабное изменение которого имеет не только собственно военное, но и политическое значение. В этой связи рассматриваются поэтапное увеличение масштаба и изменение характера комплектования наземной группировки Германии в Литве, развитие сухопутных войск последней.

Исторические и политические контуры диалога к концу 2010-х годов

Исторический фон отношений многоаспектен. Литва обладала длительным опытом национальной государственности, была влиятельной региональной державой с середины XIV в. и до конца XV в. Тогда одновременно развивались две основные характеристики внешней политики: расширение владений на восток (тем самым Литва выступала основным конкурентом Московского княжества в деле «собирания земель» распавшегося Древнерусского государства) и противостояние натиску тевтонских/ливонских рыцарей-крестоносцев, которые были в основном выходцами из немецких земель.

Первое положение определило тесную зависимость увеличения/уменьшения мощи Литвы в целом от соответствующего состояния ее позиций на белорусском, украинском (малороссийском), российском направлениях. Феномен войн как часть фактора исторической памяти наличествовал в отношениях Германии с Литвой [20], но был заметно менее чувствителен, чем, например, в случае диалога ФРГ и Польши. Почему? С XVI по начало XX в. литовские земли, будучи частью сначала Речи Посполитой, а затем Российской империи, ограниченно участвовали в военных конфликтах с Пруссией (германо-прусским государством). В Первую и Вторую мировые войны территория Литвы (в составе Российской империи и СССР соответственно) становилась объектом для наступательных действий германской армии и оккупации. При этом еще в мае 1939 г. Третий рейх в результате жесткого нажима отторг от владений официального Каунаса район Клайпеды (Мемеля), а СССР осенью 1939 г., напротив, обеспечил возвращение в состав Литвы Виленского края, который был насильственно включен в состав Польши еще в 1920 г. Именно на таком фоне было осуществлено вхождение республики в качестве союзной в СССР.

Официальный Берлин в целом признает свою историческую ответственность как основного агрессора во Второй мировой войне, однако на практике готовность нести эту ответственность снижается, особенно в условиях роста вовлеченности ФРГ в «сдерживание» РФ. Конкретно на литовском направлении Германия стремилась выстроить свой образ как защитницы национальной государственности, достигая этого во многом за счет незаслуженной критики СССР и России. Тактически германская сторона пыталась, во-первых, подать себя как поборницу независимости Литвы в конце 1917—1918 гг. Так, в октябре 2017 г. глава МИД ФРГ З. Габриэль торжественно передал коллеге Л. А. Линкявичюсу из архивов письмо литовской Тарифы в адрес Второго рейха с просьбой о признании декларации о независимости от 16 февраля 1918 г.¹. Закономерно, что МИД ФРГ не подчеркивало тот факт, что

¹ Ausdruck der Freundschaft: Außenminister Gabriel übergibt bedeutendes Dokument zur Unabhängigkeit Litauens. 05.10.2017, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/litauen-node/171005-abkommen/300548> (дата обращения: 07.11.2023).

Германская империя де-факто игнорировала этот документ (и аналогичный предыдущий от 11 декабря 1917 г.), не поддержала приглашение Гогенцоллернов на литовский престол. Таким образом, официальный Берлин вплоть до Ноябрьской революции (1918) сдержанно относился к идее предоставления Литве (которая находилась под германским контролем) формального суверенитета, не говоря уже о фактическом.

Во-вторых, подчеркнутое признание ответственности Германии за договор о ненападении с СССР от 23 августа 1939 г., особенно его секретные статьи, относившие Литву к зоне интересов Советского Союза. Они воспринимались постсоветским истеблишментом в Вильнюсе как фактор временной утраты суверенитета. В данной связи ФРГ самым активным образом указывала на кардинальные отличия от нацистского режима — как в плане своей политической природы, так и по отношению непосредственно к Литве.

В конце 1980-х гг. официальный Бонн пристально следил за ситуацией в Прибалтийских республиках: за их декларацией о суверенитете (1988—1989) и выход из состава СССР (март — май 1990 г.). Однако ФРГ еще не была готова оказать дипломатическую поддержку до оформления де-юре решения «германского вопроса» в своих интересах. Подписание договора «2+4» (согласно которому территории ГДР входили в состав ФРГ, из них выводились советские войска) в сентябре 1990 г., произошедшее после выступления ГКЧП резкое ослабление влияния общесоюзных органов власти создали предпосылки для активизации Германии. Именно она инициировала заявление Европейских сообществ от 27 августа 1991 г. в поддержку независимости республик Балтии с приглашением их полномочных представителей на ближайшее заседание глав МИД Европейских сообществ¹. Уже 28 августа 1991 г. ФРГ установила дипломатические отношения с каждой из стран Балтии [10, р. 66—67]. Менее чем через неделю после выхода де-факто из состава СССР (6 сентября 1991 г.), 11—12 сентября 1991 г., их посетил первый политический деятель из стран Запада — министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер [10, р. 70]. Вслед за осуществлением «точки невозврата» в деле отделения Прибалтийских государств от СССР Германия стала принимать функции их проводника в Евроатлантическое сообщество. Информационно данные тактики подавались Германией как учитываемая на практике ответственность за договор от 23 августа 1939 г., притом в реалиях начала 1990-х гг. ФРГ уже де-факто противопоставляла себя СССР.

Символично, что в 45-ю годовщину с подписания договора о ненападении (1939) — 23 августа 1994 г. — была запущена переговорная площадка «В3+1» (три республики Балтии и ФРГ) на уровне глав внешнеполитических ведомств с ежегодной частотностью встреч в данном формате. Тем самым Германия брала обязательство не допускать в дальнейшем игнорирования обеспокоенностей Литвы и республик Балтии в целом. Указанная дата (23 августа 1994 г.) показательна еще в одном отношении: это момент накануне завершения вывода советских войск из Латвии, Эстонии и из новых земель самой ФРГ, то есть бывшей ГДР (к 1 сентября 1994 г.) и завершения аналогичного процесса в случае Литвы год спустя (к 1 сентября 1993 г.) [10, р. 71]. Официальный Бонн уделял самое пристальное внимание выполнению Кремлем (сначала президентом СССР М.С. Горбачевым, затем уже главой России Б.Н. Ельциным) обязательств по демонтажу механизма присутствия его войск на вновь присоединенных землях ГДР. Несмотря на сложности [21], гер-

¹ Erklärung der EG zu den baltischen Staaten, 27. August 1991, Deutsche Aussenpolitik nach der Einheit 1990—1993. Eine Dokumentation herausgeben vom Auswärtigen Amt. 1993, Bonn, *Auswärtiges Amt*, S. 81.

манская сторона содействовала осуществлению аналогичного процесса и на территории республик Балтии, что подавалось как важный практический вклад в дело их суверенизации.

В целом в 1990-е гг. во внешней политике ФРГ, особенно в комплексе ее усилий по трансформации постсоциалистического и постсоветского пространств в интересах сообщества «западных демократий», прибалтийский вектор приобрел повышенную значимость; уже внутри этого вектора наметился наибольший удельный вес диалога с Литвой. Вместе с тем, в абсолютном отношении в 2000-х — начале 2010-х гг. ситуация была иной. Официальный Берлин поддерживал вхождение Литвы в число республик Балтии в состав НАТО и ЕС (было осуществлено в 2004 г.). Площадка «В3+1» использовалась для обсуждения с ФРГ чувствительных для стран Балтии вопросов в сфере безопасности и обороны: вслед за вступлением в Альянс это было предоставлением со стороны Германии практических гарантий. При поддержке Германии уже в 2004 г. под эгидой Альянса были учреждены многосторонняя миссия по патрулированию воздушного пространства Прибалтийских государств (*Baltic Air Policing*)¹, 1-я постоянная морская (ПМГ) и 1-я постоянная контрминная группы (ПКМГ), которые часть календарного года курсировали в Балтийском море и Финском заливе. ФРГ на ротационной основе выделяла истребители, корветы, минные тральщики [15].

Однако на практике единовременный вклад Германии в комплектование этих группировок редко превышал 0,2 тыс. военнослужащих, притом был «мерцающим», то есть иногда нулевым. Де-факто они были единственными (с 2008 г. к ним добавились 2-я ПМГ и 2-я ПКМГ к югу от региона) миссиями в Восточной Европе с участием бундсвера. Используемая в НАТО схема ротационного вклада конкретных государств-членов в деятельность каждой из указанных группировок предполагала, что после участия продолжительностью 3—6 месяцев на несколько таких сроков страна-участница была свободна от выделения контингентов (до новой своей очередности). Различная «сетка» графика для каждой из миссий приводила к тому, что одно или даже несколько полугодий подряд Германия не выделяла сил и средств ни в одну из указанных группировок. Так, в 2004—2009 гг. ВВС ФРГ участвовала в деятельности миссии *Baltic Air Policing* лишь 3 раза (суммарно менее 9 месяцев при общей продолжительности на этом отрезке в 69 месяцев).

Если в середине 2000-х — начале 2010-х гг. в странах Балтии или вблизи них использовалось до 0,2 тыс. солдат и офицеров ФРГ, то в зонах нестабильности в Азии и Африке (прежде всего в Афганистане) — около 7,0 тыс. военнослужащих [22, р. 8—11]. Задействование каждого военного в районах вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее Сахары, где почти не имелось профильной инфраструктуры, в отдалении от ФРГ на тысячи км было несоизмеримо более сложным, чем в Восточной Европе. На этом фоне многократная разница в объемах четко показывала приоритеты Германии: первоочередность задачи по обеспечению присутствия в отдалении от зоны ответственности НАТО, а не на передовой ее части.

Чем объяснялся дефицит стратегического внимания ФРГ к странам Балтии? В 1990-х — начале 2000-х гг. была пройдена «точка невозврата» в трансформации этой части постсоциалистического (а в случае Латвии, Литвы и Эстонии — и постсоветского) пространства в деле сближения данных игроков с сообществом «западных демократий». Первые стали массово входить в состав евроатлантических институтов, образуя со вторыми единую общность. Эта тенденция порождала у

¹ *Baltic Air Policing - Allied Air Command*. 2023, NATO, URL: <https://ac.nato.int/missions/air-policing/baltics> (дата обращения: 07.11.2023).

официального Берлина восприятие обстановки как более чем благоприятной, поэтому использование военного и отчасти политического инструментария осуществлялось в странах Балтии и особенно в целом в Восточной Европе по остаточному принципу. Это не могло не вызывать недовольства у региональных игроков, в том числе у Литвы [10—12]. Рост раздраженности проявлялся, хотя и ограниченно, еще до 2014 г. Подтверждение тому — реакция ФРГ в виде учащения случаев использования бундесвера в составе миссии *Baltic Air Policing*: уже с 2008 г. оно стало ежегодным, обычно на срок 4 месяца и с базированием на аэродром Шяуляй в Литве (табл. 1). Однако эти шаги имели тактические масштаб и значение, не будучи способными снять накапливавшуюся волну недовольства в целом.

Таблица 1

Схема участия ФРГ в миссии *Baltic Air Policing*

Даты	Срок, месяцев	Число и тип выделенных от ВВС ФРГ самолетов	Аэродром
30.06.2005—11.10.2005	3,5	4 истребителя <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
30.06.2008—29.09.2008	3	4 истребителя <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
01.09.2009—02.11.2009	2	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Шяуляй
03.11.2009—03.01.2010	2	4 истребителя <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
05.01.2011—27.04.2011	4	6 истребителей <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
04.01.2012—26.04.2012	4	6 истребителей <i>F-4F Phantom II</i>	Шяуляй
01.09.2014—31.12.2014	4	1 истребитель <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
25.08.2015—06.01.2016	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
31.08.2016—04.01.2017	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
05.01.2017—01.05.2017	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
30.08.2018—02.01.2019	4	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
15.07.2020—30.08.2020	1,5	1 истребитель <i>Eurofighter Typhoon</i>	Шяуляй
31.08.2020—29.04.2021	8	6 истребителей <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари
01.08.2022—01.05.2023	9	4 истребителя <i>Eurofighter Typhoon</i>	Эмари

Источник: ВС ФРГ *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de> (дата обращения: 07.11.2023).

Феномен «кризиса доверия» стал наиболее заметен в отношениях официального Берлина с Вильнюсом, а также с Ригой и Таллином в 2014—2015 гг., особенно на самых первых стадиях конфронтации Евроатлантического сообщества с РФ. Весной — осенью 2014 г. вклад ФРГ в резко возросшую военно-тренировочную деятельность НАТО у границ РФ был минимальным. До весны 2016 г. Германия противилась развертыванию наземного присутствия Альянса в Польше и республиках Балтии. Даже по линии миссии *Baltic Air Policing* наблюдалось снижение частотности задействования люфтваффе (табл. 1). Показательно, что в совместном заявлении глав МИД Германии и Литвы в апреле 2015 г. основной фокус был сделан на сотрудничестве в сфере культуры и образования¹. Это стало косвенным, но безусловным подтверждением «проседания» диалога в политической и военной областях. Как результат впервые несколько снизился интерес республик Балтии к использованию формата «В3+1».

Чем был обусловлен указанный подход ФРГ в середине 2010-х гг.? Германия стремилась не допустить неконтролируемой эскалации напряженности с РФ на самых ранних стадиях выстраивания конфронтации, когда новые правила стратегического поведения лишь вырабатывались. Эта тактика расценивалась официальным

¹ Gemeinsame Erklärung des litauischen und des deutschen Außenministers. 16.04.2023, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/150416-bm-erklarung-litauen/270916> (дата обращения: 07.11.2023).

Вильнюсом как проявление слабости по отношению к оппоненту. На практике, однако, официальный Берлин был последователен в своей готовности в составе сообщества «западных демократий» к выстраиванию системы «сдерживания» России, но выступал за плавный или градуированный характер данного процесса: такой подход был озвучен канцлером А. Меркель еще в начале марта 2014 г.¹ Германское руководство считало, что такой сценарий дает заметные преимущества: обеспечение контроля над ходом процесса, возможность для поэтапного и тем более чувствительного наращивания давления на оппонента, наличие определенной свободы маневра в зависимости от развития обстановки. «Военная машина» ФРГ была инерционной: ей требовалось время для перенаправления фокуса в обеспечении присутствия с Ближнего и Среднего Востока, Африки севернее экватора на Восточную Европу, для запуска своего восстановительного роста. В этих отношениях Германия закономерно и заметно отставала от Литвы, иных региональных игроков. Такая стратегия к участию в конфронтации представляла собой предмет консенсуса для истеблишмента ФРГ — в канцлерства А. Меркель, в эпоху пост-Меркель, когда к власти пришел кабинет О. Шольца². Избранный курс породил в середине 2010-х гг. проблему ухудшения диалога со странами Балтии, но в то же время сохранил потенциал не просто для дальнейшего преодоления кризиса доверия, но заметного сближения. На хронологически «среднем» и особенно «длинном» отрезке все более увеличивалась вовлеченность ФРГ в противодействие РФ, а уже запущенный рост германских ВС содержал намного больший потенциал, чем у любой из стран Восточной Европы, из-за разницы объема ресурсных баз.

Причины повышенной стратегической ценности Литвы для Германии

Действующие элиты стран Балтии и Польши стремились к тому, чтобы эти государства скорее стали реципиентами возможного большего наземного военного присутствия под эгидой НАТО. Оно образовывалось прежде всего из контингентов «старых» (вступивших в Альянс до 1990 г.) государств-членов. В свою очередь, для государств-членов масштаб, формы, географическая широта развертывания войск в передовой части ответственности НАТО становились важными критериями дееспособности. Данные вопросы имели особое прочтение для ФРГ как «восходящей» державы Запада: требовалось правильно определить фокусного партнера в Восточной Европе, который стал бы важнейшим реципиентом увеличиваемого присутствия бундесвера. Выбор остановился на Литве. Она для Германии обладала существенными преимуществами перед Республикой Польшей (РП) и двумя другими республиками Балтии.

В 2014—2015 гг. спад был характерен для диалогов ФРГ со всеми четырьмя государствами в северной части Восточной Европы. В случае Польши нисходящая тенденция сохранилась во второй половине 2010-х — начале 2020-х гг. [23]. Официальная Варшава стремилась занять положение старшего в диалоге, что не могло быть принято Берлином. Это противоречие особенно обострилось в период нахождения у власти представителей «Права и справедливости» (партия победила на выборах президента 2015 и 2020 гг., на выборах в Сейм 2015 и 2019 гг. [24]). В президент-

¹ Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin. Zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014. 2014, *Deutscher Bundestag*, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/20. 13. März. S. 1518B—1522A.

² Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz. 27.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (дата обращения: 07.11.2023).

ство Д. Трампа в США официальная Варшава активно поддержала разноаспектное давление на Германию, нацеленное на частичное ослабление ее влияния в Европе и мире [3; 25, р. 20—21]. При Дж. Байдене наблюдалось заметное потепление отношений США с ФРГ, однако стремление Белого дома укрепить позиции в отношении Германии оставалось, хотя и осуществлялось в качественно иных формах. В этой связи Польша продолжала оставаться близким союзником Вашингтона. Константой ее политики было стремление подчеркнуть свою большую привлекательность, чем Германии, для США, обыгрывая положение крупнейшей «западной демократии» в передовой части зоны ответственности НАТО. Для официального Берлина заметное сближение с Вильнюсом становилось фактором укрепления позиций в отношениях с Варшавой. Аналогичного результата достигала и сама Литва, что было важно с учетом наличия определенных «узких мест» ее диалога с Польшей [26].

Преимущество Литвы для Германии перед двумя другими республиками Балтии заключалось в следующем. Во-первых, это большая площадь, что позволяло размещать группировки войск НАТО на условно значительном удалении от границ РФ. С одной стороны, де-юре это давало возможность снизить провокационность таких мер. С другой — напротив, обеспечивало большую свободу маневра в их использовании, особенно в деле оперативного обеспечения существенного преимущества над оппонентом на избранном направлении посредством выдвижения массы войск из глубины. Данный подход лежал в основе современных тактик использования бундесвера: в отличие от предшествующей Холодной войны ФРГ располагалась уже не на передовой, а в глубине зоны ответственности НАТО. Бундесвер вносил объемный вклад в комплектование ключевых группировок Альянса, предназначенных к выдвижению из глубины зоны ответственности: сил быстрого реагирования (СБР; *NATO Response Force, NRF*) и входившего в них соединения сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Task Force, VJTF*), которые стали «ядром» новой модели войск НАТО (заявлена к учреждению в июле 2022 г.)¹. Так, в составе первых двух категорий новой модели войск Альянса предполагается иметь в целом 300 тыс. солдат и офицеров², в том числе 35 тыс. — от бундесвера. Символично, что это решение канцлер О. Шольц объявил по итогам саммита блока в Вильнюсе 11—12 июля 2023 г.³, что сочеталось с возрастающим объемом вклада по линии сил передового развертывания (СПР).

Во-вторых, геостратегически размещение группировки в Литве позволяло Германии одновременно участвовать в «сдерживании» не только России, но и Беларуси. При этом в отличие от двух других стран Балтии официальный Вильнюс граничил не с огромной основной частью России, а лишь с Калининградской областью как полуанклавом. В данном контексте де-юре осуществление стратегического давления на РФ представлялось менее сложным. Однако де-факто ситуация была противоположной, что объяснялось мощью усиливаемой группировки российских ВС в Калининградской области [27].

В-третьих, это большая же численность населения (2,8 млн чел.), чем у Латвии (1,9 млн), Эстонии (1,3 млн), что позволяло Литве иметь более значительные ВС. Их наращивание происходило более динамично (табл. 2).

¹ NATO Response Force. 2023, NATO, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49755.htm (дата обращения: 07.11.2023).

² New NATO Force Model. 08.07.2022, NATO, URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 07.11.2023).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023 in Wilna. 12.07.2023, Bundeskanzleramt, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (дата обращения: 07.11.2023).

Таблица 2

Динамика изменения численности ВС стран Балтии и ФРГ, тыс. военных

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Германия	178,8	177,2	177,9	179,8	181,5	183,8	183,9	184,8	188,5	192,2
Латвия	4,6	4,8	5,2	5,5	5,9	6,0	6,4	6,6	7,5	7,6
Литва	8,6	11,8	11,8	13,5	14,3	14,9	15,1	15,2	17,2	17,8
Эстония	6,3	6,0	6,1	6,0	6,2	6,3	6,7	6,8	6,9	6,9

Источник: Defence Expenditure of NATO Countries (2014—2023), 07.07.2023. 2023, Brussels, NATO, p. 12.

Так, в 2014—2023 гг. ВС Литвы выросли более чем вдвое — на 107 %. В случае основного вида ВС — сухопутных войск — это сопровождалось формированием в дополнение к до того единственной бригаде «Железный волк» еще одной, названной «Жемайтия» (другое название — «Гриффин»). Была также создана кадрированная бригада «Аукшайтия»¹. В мае 2023 г. эти три соединения были объединены под управлением штаба дивизии. Для сопоставления: эстонские ВС выросли менее чем на 10 %, латвийские — на 65 % (табл. 2). В составе эстонских сухопутных войск были созданы одна новая кадрированная бригада (в дополнение к имевшейся кадровой) и управление штаба дивизии; в составе латвийских не создано новых формирований уровня бригады и выше. Таким образом, по численности ВС Литвы на 2023 г. превышали суммарный потенциал Латвии и Эстонии, по количеству бригад и управлений дивизий были равны ему.

Это существенно повысило стратегическую привлекательность Литвы для ФРГ, которая анонсировала более чем двукратное увеличение числа бригад (8—10 новых к 7,5 имевшимся) и дивизий (3 в дополнение к 3 существовавшим) к середине 2030-х гг.². На практике на 2023 г. еще не было сформировано ни одной новой бригады (и тем более дивизии), но лишь отдельные подразделения. Поэтому литовские ВС были ценны для бундесвера как источник более быстрого накопления опыта по созданию войсковых единиц.

В-четвертых, разница с Латвией и Эстонией в объемах экономических возможностей, в том числе военного бюджета (табл. 3) обеспечивала Литве преимущество в возможностях по закупкам иностранных вооружений и военной техники (ВиВТ), то есть модернизации ВС за счет импорта.

Таблица 3

Динамика изменения военных бюджетов стран Балтии, млн долл. в постоянных ценах 2015 г.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Латвия	246	282	401	459	618	620	646	649	664	731
Литва	357	471	628	759	905	962	996	1005	1285	1324
Эстония	431	463	488	501	520	549	612	581	614	766

Источник: Defence Expenditure of NATO Countries (2014—2023), 07.07.2023. 2023, Brussels, NATO, p. 8.

¹ Land Force. 2023, *Kariuomene*, URL: <https://kariuomene.lt/en/structure/land-force/23583> (дата обращения: 07.11.2023).

² Bundeswehr-Pläne: Heer soll drei neue Divisionen bekommen. 19.04.2017, *DBWV*, URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/politik-verband/beitrag/news/bundeswehr-plaene-heer-soll-drei-volle-divisionen-bekommen/> (дата обращения: 07.11.2023).

Это было особенно важно для ФРГ, чья экономика традиционно сфокусирована на экспорте технологичной промышленной продукции [28], в том числе военного характера. В данном случае уже официальный Вильнюс мог использовать заинтересованность Берлина в продаже своих ВиВТ для увязывания их закупок с наращиванием германского войскового контингента.

Особенности военного сотрудничества в конце 2010-х — начале 2020-х годов

Аксиома для межгосударственного диалога — превалирование в нем политических аспектов над собственно военными. Однако в случае современных отношений Германии и Литвы эти две группы вопросов имели как минимум соизмеримое влияние, военные аспекты оказывали весьма заметное воздействие (и обратное, и прямое) на состояние политических. В контексте «сдерживания» РФ официальный Вильнюс рассматривал сам факт войскового присутствия ФРГ и скорость его наращивания как важнейшие индикаторы учета своих обеспокоенностей.

На Варшавском саммите Альянса (8—9 июля 2016 г.) было принято прецедентное решение о создании наземных СПР в северной части Восточной Европы. Их формирования были постоянными по факту существования, комплектовались на ротационной основе. В Польше и в странах Балтии развертывалась бригада США (на территории всех этих стран), в каждом из государств — по многосторонней батальонной тактической группе СПР во главе со своим «рамочным государством»¹. Этот термин означал, что одна из стран — участниц многонационального контингента принимала на себя общее руководство и вносила наибольший удельный вклад [29]. В трех случаях «рамочными нациями» стали англо-саксонские державы — США (для БТГ в Польше), Великобритания (для БТГ в Эстонии) и Канада (для БТГ в Латвии), в одном — для боевой группы, которая учреждалась в Литве, — данную роль приняла Германия — единственная из «старых» континентальных европейских игроков. По мере хронологического отодвигания от начала конфронтации с РФ увеличивались объемы и характер вклада Германии в этот процесс, в том числе в передовой части зоны ответственности Альянса. В этом видно стремление к выстраиванию полноценного сотрудничества, к преодолению кризиса диалога с Литвой и странами Балтии в целом.

С января 2017 г. в районе г. Рукла Каунасского уезда (центральная часть Литовской Республики) были размещены 500—550 военнослужащих ФРГ как «ядро» многосторонней БТГ. В 2017—2021 гг. комплектование контингента на ротационной основе осуществлялось 10-й танковой дивизией (тд) — прежде всего подразделениями 37-й мотопехотной бригады (мпбр) из ее состава; в это время в Литве было осуществлено 7,0 тыс. случаев ротации одного военнослужащего² (ряд солдат и офицеров отбыли там два и более сроков).

Выбор Руклы для размещения здесь БТГ СПР НАТО объяснялся тем, что здесь дислоцировалась бригада «Железный волк» — до начала 2020-х гг. единственное, затем наиболее боеспособное соединение армии Литвы. БТГ с направляющей ролью бундесвера стала в рамках каждой ротации активно проводить совместные учения с бригадой «Железный волк». Они были как частью более крупных многонациональных маневров, так и учениями с вовлечением личного состава лишь

¹ Warsaw Summit Communiqué. 09.07.2016, NATO, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 07.11.2023).

² 10. Panzerdivision. 2023, Bundeswehr, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/10-panzerdivision> (дата обращения: 07.11.2023).

двух указанных войсковых формирований¹. Целью тренировок БТГ и бригады «Железный волк» было достижение тактической совместимости, то есть де-факто превращение в объединенную группировку из двух компонент — многосторонней и национальной. От ФРГ такой опыт приобрело большинство подразделений 37-й мпбр. Фактор COVID-19 оказал лишь кратковременное, в основном ограниченное весной — осенью 2020 г. «замораживающее» воздействие на сотрудничество двух стран по линии ВС.

В январе 2021 г. ФРГ озвучила решение о переложении ответственности за комплектование наземной (осевой) составляющей германского вклада в СПР с 10-й тд на 1-ю тд. В рассматриваемое время в бундесвере находились три дивизии, две из которых — указанные 1-я (3 бригады) и 10-я (3,5 бригады, с 2023 г. — 2,5 бригады) танковые дивизии — в первую очередь предназначались к использованию в пределах зоны ответственности НАТО. Первая тд в сопоставлении с 10-й тд была более боеспособной, став основной платформой для формирования новых войсковых единиц бундесвера. В середине 2010-х — 2021 гг. 1-я тд была ответственна за комплектование германской наземной компоненты в составе СБР НАТО². Перенацеливание 1-й тд на использование в составе СПР отчетливо показывало эволюцию приоритетов в применении бундесвера: его более масштабное участие не только в глубине зоны ответственности Альянса, но и на ее передовой части, особенно в Литве. Дата принятия соответствующего решения — 2021 г. — показательна тем, что это время «смены вех» Германии (в условиях заранее объявленного решения А. Меркель не баллотироваться на пост канцлера на выборах 2021 г.). Это вновь подтвердило высокую степень преемственности во внешней политике ФРГ. Кроме того, важнейший шаг по подготовке наращивания вклада в «сдерживание» РФ был предпринят не менее чем за год до начала СВО.

Еще до ее начала ФРГ усилила свою группировку в Литве — на 0,2 тыс. военнослужащих и, главное, около 100 единиц боевой и вспомогательной техники³. После старта СВО Германия стала стремиться к расширению сетки контингентов бундесвера в Восточной Европе — так, в марте 2022 г. подразделения бундесвера были направлены в состав учреждаемой многосторонней БТГ СПР НАТО в Словакии⁴, а в июле 2023 г. был поставлен вопрос о развертывании сухопутного присутствия ФРГ в Румынии. Однако направлением наиболее масштабного применения бундесвера оставалось именно литовское. Канцлер О. Шольц 7 июня 2022 г. заявил о планах по постепенной реорганизации многосторонней боевой группы в стране с ролью бундесвера как «рамочного государства» из батальонной в бригадную [1, р. 5—8]. В отличие от учреждения группы БТГ СПР (2016) в этой ситуации ФРГ действовала не в группе инициаторов, но уже в опережение всех остальных стран — участниц НАТО. Вновь официальный Берлин подчеркивал готовность и способность наращивать присутствие, прежде всего сухопутное (осевое и наиболее чувствительное) в Восточной Европе, особое внимание уделяя именно Литве.

¹ Iron Wolf: Höhepunkt jeder EFP-Rotation. 01.07.2019, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkante-missionen/efp-enhanced-forward-presence/iron-wolf--67288> (дата обращения: 07.11.2023).

² Panzerdivision, 2023, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/heer/organisation/1-panzerdivision> (дата обращения: 07.11.2023).

³ Alarmierung und Marsch der Enhanced Forward Presence Kräfte abgeschlossen. 18.02.2022, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkante-missionen/efp-enhanced-forward-presence/alarmierung-marsch-enhanced-forward-presence-kraefte-litauen-5357426> (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ Truppenbesuch in der Slowakei. 29.04.2022, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/einsaetze-bundeswehr/anerkante-missionen/slowakei-enhanced-vigilance-activities/steinmeier-truppenbesuch-slowakei-5402514> (дата обращения: 07.11.2023).

По итогам Мадридского саммита Альянса (28—30 июня 2022 г.), на котором были приняты новые стратегические концепции и модели войск НАТО, О. Шольц заявил о резервировании «тяжелой» дивизии (3 бригады, 15 тыс. солдат и офицеров), 60 боевых самолетов и 15 боевых кораблей¹ для ротационного комплектования группировок СПР. Помимо поэтапного развертывания «ядра» многосторонней бригады это означало также готовность ФРГ к увеличению нагрузки по линии 1-й ПКМГ и 1-й ПМГ, миссии *Baltic Air Policing*. Так, во второй половине 2010-х гг. ВВС вновь вернулись к ежегодному внесению вклада на данном треке, с начала 2020-х гг. — раз в два года, но с удвоением (с 4 до 8—9 месяцев) продолжительности (табл. 1). По линии ВМС стороны также сотрудничали в рамках ежегодных учений *BALTOPS*².

В сентябре 2022 г. в Литву прибыли первые дополнительные подразделения бундесвера³. В начале ноября 2023 г. министр обороны ФРГ объявил о решении сделать кроме уже функционировавшей многонациональной БТГ формируемую бригаду постоянной (бессменное расположение ее частей в одном месте), притом с доминирующим вкладом самого бундесвера. Новое соединение получало номер и название от него (42-я танковая бригада, тбр), а не от группировок НАТО. К концу 2024 г. в Литве должны были быть размещены танковый (203-й) и мотопехотный (122-й) батальоны ФРГ, то есть суммарно 3 таковых (с учетом имевшейся усиленной БТГ) или примерно половина от состава соединения, создано его управление. По завершении формирования (ориентировано в 2026 г.) 42-я тбр должна была иметь 4,8 тыс. военных и 0,2 тыс. чел. гражданского персонала⁴. Конкретизацией планов ФРГ снимала опасения ряда представителей руководства Литвы, что соединение будет «бригадой Шрёдингера» (почти «призраком», по аналогии с «котом Шрёдингера») [14, р. 2]. Факты перехода к бригадному уровню присутствия вкупе с провозглашением постоянного (а не ротационного) характера означали сразу два нарушения Германией Основопологающего акта Россия — НАТО (1997), что вызвало удовлетворение у официального Вильнюса.

Его проявлением в 2017 г., год учреждения присутствия ФРГ, стало резкое одно-годовое увеличение экспорта ВиВТ Германии в Литву (крупные контракты были заключены несколько ранее). Тогда официальный Вильнюс закупил 21 штурмовое орудие *Panzerhaubitze 2000*, партию БТР, комплектующих к бронетехнике на рекордную сумму в 492,6 млн евро⁵. Тем самым была осуществлена частичная унификация парков ВиВТ. Это облегчало достижение тактической совместимости ВС Литвы и контингента бундесвера в стране.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid. 30.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (дата обращения: 07.11.2023).

² BALTOPS 23: Fazit und wichtigste Teilübungen. 20.06.2023, *Bundeswehr*, URL: <https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/baltops-23-fazit-5639390> (дата обращения: 07.11.2023).

³ First German NATO brigade troops arrive in Lithuania. 05.09.2022, *NATO*, URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_207051.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 07.11.2023).

⁴ Drei bewährte Bataillone für die neue Panzerbrigade 42. 06.11.2023, *DBwV*. URL: <https://www.dbwv.de/aktuelle-themen/blickpunkt/beitrag/zwei-bewaehrte-bataillone-fuer-die-neue-panzerbrigade-42> (дата обращения: 07.11.2023).

⁵ Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017 (Rüstungsexportbericht 2017). 2018, Berlin, *Bundesministerium für Wirtschaft und Energie*, S. 73, 81.

Ключевым в диалоге оставалось сотрудничество под эгидой НАТО; по линии ЕС оно имело заметно меньшие объемы и прежде всего развивалось на тех треках, где Европейский союз выступал в роли помощника Альянса. Так, показателен профиль проектных комитетов в рамках Постоянного структурированного сотрудничества (ПСС; *PESCO*) с совместным участием Литвы и Германии: по выстраиванию единого военно-логистического пространства; повышению мобильности войск; созданию защищенного канала обмена правительственной информацией¹. Литовские инструкторы участвовали в подготовке/переобучении кадров ВСУ под эгидой военно-тренировочной миссии *EUMAM EU*, которая действовала на территории Германии и Польши². Этот пример иллюстрировал тесную координацию официальных Берлина и Вильнюса на украинском направлении по противодействию РФ в условиях ее вынужденной СВО. Два государства — члена НАТО согласовывали поставки Украине ВиВТ с использованием формата «Рамштайн» [30, р. 8, 34—35].

Особенности контактов на высшем уровне: кейс эволюции «В3+1»

Канцлер А. Меркель совершала официальные визиты в Литву в 2008, 2010 и в 2013 гг. и затем лишь в 2018 г. Протяженный (5 лет) разрыв между двумя крайними поездками объяснялся не только спадом в диалоге (в 2014—2015 гг.), но и подготовкой такого шага, который свидетельствовал бы о его полном преодолении и, напротив, переходе к более высокому уровню. Совет государств Балтийского моря играл здесь вспомогательную роль, а ключевая отводилась формату «В3+1», так как в него входили лишь сама ФРГ и страны Балтии.

Переход к переговорам на высшем уровне был окончательно проработан на встрече глав МИД Германии и стран Балтии по схеме «В3+1» в Паланге (Литва) 9 мая 2018 г.³. Глава МИД Германии Х. Маас прибыл сюда сразу после визита в Москву, рассеивая обеспокоенность партнеров по поводу потепления отношений ФРГ и РФ.

А. Меркель 14 сентября 2018 г. провела в Вильнюсе двусторонние переговоры с президентом Д. Грибаускайте, далее — четырехсторонние на высшем уровне в формате «В3+1», а затем посетила в Рукле расположение контингента бундесвера⁴. В ходе переговоров «четверки» было поддержано наделение ЕС глобальной субъектностью и тем самым реализация лидерских амбиций Германии (как неофициального лидера объединения), при этом не был упомянут Д. Трамп, то есть страны Балтии не присоединились к оказываемому его администрацией

¹ Projects. 2023, PESCO, URL: <https://www.pesco.europa.eu/#projects> (дата обращения: 02.11.2023).

² Germany — EUMAM UA. 2023, Bundeswehr, URL: <https://www.bundeswehr.de/en/organization/further-fmod-departments/bundeswehr-homeland-defence-command/germany-eumam-ua> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Außenminister Maas reist nach Litauen. 09.05.2018, *Auswärtiges Amt*, URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/maas-litauen/2075686> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Statement von Bundeskanzlerin Merkel vor deutschen Soldatinnen und Soldaten der NATO Enhanced Forward Presence Battle Group Litauen in Rukla. 14.09.2018, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/statement-von-bundeskanzlerin-merkel-vor-deutschen-soldatinnen-und-soldaten-der-nato-enhanced-forward-presence-battle-group-litauen-1525324> (дата обращения: 02.11.2023).

давлению на официальный Берлин¹. Таким образом, ФРГ небезуспешно трансформировала фактор роста военного присутствия в увеличении политических контактов с Литвой и странами Балтии в целом, то есть обеспечила «эффект переплескивания» в развитии сотрудничества с первой сферы на вторую. С момента образования (1994) площадка «В3+1» функционировала только на высоком уровне (руководители МИД), а с 2018 г. — также и на высшем (главы государств и правительств). Тем самым ФРГ заметно укрепила стратегическое присутствие в странах Балтии и четко обозначила рост удельного веса данного направления в своей внешней политике. В то же время выросла и фактическая зависимость Германии от партнеров, готовность более активно реагировать на их озабоченность, в противном случае встречи в формате «В3+1» могли прерваться на длительное время, неся уже серьезные имиджевые потери для ФРГ. Логично, что она стремилась не допустить этого.

В августе 2019 г. А. Меркель провела переговоры с вновь избранным президентом Литвы Г. Науседой в Берлине, уделив повышенное внимание ее обеспокоенности в связи со строительством АЭС в г. Островец в соседней Беларуси². Однако в ходе событий в этой стране августа — октября 2020 г. ФРГ заняла намного более сдержанную позицию, чем Литва [14; 19]. Именно эта причина, а не только (точнее, не столько) фактор COVID-19, стала основной для сокращения контактов на высшем уровне на рубеже десятилетий. Так, вопреки распространенной практике, германская сторона не представила каких-либо конкретных материалов по визиту Г. Науседы в Берлин 16 сентября 2021 г.³. Вместе с тем сам факт этого приглашения президента Литвы (до того как А. Меркель совершила бы ответный визит после 2019 г.) свидетельствовал о повышенном интересе ФРГ к недопущению длительного спада в диалоге, прерывании работы «В3+1» на высшем уровне (но не на высоком).

«В3+1» вновь собрался в Берлине с участием канцлера О. Шольца 10 февраля 2022 г., за две недели до начала вынужденной российской СВО. Факторами стимулирования балтийских партнеров к проведению встречи стали увеличение германского контингента в составе БТГ СПР и их заинтересованность в дальнейшей реализации ФРГ подобных более масштабных мер⁴.

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel, der litauischen Präsidentin Dalia Grybauskaitė, dem lettischen Ministerpräsidenten Māris Kučinskis und dem estnischen Ministerpräsidenten Jüri Ratas in Vilnius. 14.09.2018, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-der-litauischen-praesidentin-dalia-grybauskait%C4%97-dem-lettischen-ministerpraesidenten-m%C4%81ris-ku%C4%8Dinskis-und-dem-estnischen-ministerpraesidenten-jueri-ratas-1525322> (дата обращения: 02.11.2023).

² Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten der Republik Litauen, Gitanas Nausėda in Berlin. 14.08.2019, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-der-republik-litauen-gitanas-naus%C4%97da-1659520> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Staatsbesuch im Bundeskanzleramt: Merkel trifft litauischen Präsidenten Nausėda. 16.09.2021, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/archiv/alt-inhalte/staatsbesuch-im-bundeskanzleramt-merkel-trifft-litauischen-praesidenten-nausėda-1958778> (дата обращения: 02.11.2023).

⁴ Pressestatements von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 10. Februar 2022 in Berlin. 10.02.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatements-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausėda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kariņš-am-10-februar-2022-in-berlin-2004436> (дата обращения: 02.11.2023).

Решение Германии о трансформации батальонной группы СПР в Литве в бригаду стало основной темой на состоявшейся 7 июня 2022 г. встрече в формате «В3+1» в Вильнюсе¹. Как и в 2018 г., после переговоров новый канцлер Германии посетил расположение контингента бундсвера². В следующий раз площадка «В3+1» была собрана на высшем уровне в Таллине 26 мая 2023 г. В условиях плавного, отнюдь не ускоренного наращивания германского контингента в Литве О. Шольц обратил внимание на более общие цифры — резервирование под ротационное использование в передовой части зоны ответственности НАТО и прежде всего в Литве 17 тыс. солдат и офицеров³. Литовская сторона заявила о необходимости усиления так называемого «Сувалкского коридора», использования контингента бундсвера прежде всего для этой цели.

Интересно, что в преддверии и во время Вильнюсского саммита Альянса (11—12 июля 2023 г.) не было проведено отдельной германо-литовской встречи на высшем уровне. С одной стороны, это объяснялось проработкой основных вопросов еще на переговорах 26 мая 2023 г. в формате «В3+1», с другой — Литва, не артикулируя этого, направляла партнеру «сигнал» о недовольстве медленной скоростью наращивания группировки бундсвера в стране. Ответом на это и стала конкретизация планов ФРГ в ноябре 2023 г. по развертыванию уже постоянно дислоцированной в Литве 42-й танковой бригады бундсвера.

* * *

Со второй половины 2010-х гг. ФРГ заметно изменила формы отнюдь незавершенного процесса создания глобального стратегического присутствия, уделяя растущее внимание его наращиванию в передовой части зоны ответственности НАТО в целом и в Литве в особенности. В свою очередь, Литва в военно-стратегическом плане начала претендовать на роль одного из центров притяжения в Восточной Европе, особенно среди стран Балтии. Эти тенденции, учитывая соотношение ресурсных баз Германии и Литвы, восприятие фактора исторической памяти действующими элитами, задавали рамочные условия для выстраивания объемного двустороннего сотрудничества в сфере безопасности и обороны. Официальный Вильнюс был готов к восприятию Берлина как старшего партнера в диалоге в ответ на полный учет своих интересов и пожеланий, особенно в военной области. Показательны заметный спад диалога в 2014—2015 гг., интенсивность усилий Германии

¹ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 7. Juni 2022 in Wilna. 07.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-naus%C4%97da-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-kari%C5%86%C5%A1-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (дата обращения: 02.11.2023).

² Pressestatement von Bundeskanzler Scholz zum Rundgang des Camps Adrian Rohn in Litauen am 7. Juni 2022 in Pabradė. 07.06.2022, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressestatement-von-bundeskanzler-scholz-zum-rundgang-des-camps-adrian-rohn-in-litauen-am-7-juni-2022-2048480> (дата обращения: 02.11.2023).

³ Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, Ministerpräsidentin Kallas, Ministerpräsident Krišjānis Kariņš und Ministerpräsidentin Šimonytė zur Teilnahme des Bundeskanzlers am Treffen der Regierungschefinnen und Regierungschefs der baltischen Staaten am 26. Mai 2023 in Tallinn. 26.05.2023, *Bundeskanzleramt*, URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-ministerpraesidentin-kallas-ministerpraesident-kri%C5%A1j%C4%81nis-kari%C5%86%C5%A1-und-ministerpraesidentin-%C5%A1imonyt%C4%97-zur-teilnahme-des-bundeskanzlers-am-treffen-der-regierungschefinnen-und-regierungschefs-der-baltischen-staaten-am-26-mai-2023-2193196> (дата обращения: 02.11.2023).

по восстановлению и росту его качества и объемов, недопущению новых кризисов. Страны Балтии при запуске формата «В3+1» на высшем уровне (2018), проведении каждой новой встречи в 2022—2023 гг. побуждали ФРГ принять новые обязательства по наращиванию вклада в комплектование сил передового развертывания НАТО на прибалтийском направлении. Такая логика развития отношений с Литвой в стратегическом плане тесно привязывала к ней Германию, ограничивала ее возможности на других направлениях (прежде всего в плане использования части сил плавно увеличиваемого бундесвера, таблица 2), особенно относительно вклада в неизбежную нормализацию отношений Запада и РФ с учетом заметно изменившихся геополитических реалий. При этом ФРГ непросто преодолеть эту зависимость, так как диалог с Литвой расценивается как основа для контактов со странами Балтии (показательны проведение всех ключевых встреч в формате «В3+1» именно в Вильнюсе или Берлине; отсутствие наземных контингентов бундесвера в Латвии и Эстонии).

Развертываемая в Литве в основном уже постоянная 42-я танковая бригада бундесвера (4,8 тыс. военных с учетом контингентов союзников) видится усиленным авангардом главных сил ВС ФРГ и мощным элементом «сдерживания» как России, так и Беларуси, стимулом к дальнейшему развитию их сугубо оборонительного по характеру военного сотрудничества.

Список литературы

1. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 49, 8 p.
2. Арзаманова, Т. В. 2022, Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 258—284, <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
3. Белинский, А. В., Никуличев, Ю. В. 2019, «Американские горки»: Эволюция отношений между США и ФРГ в 1989—2019 гг., *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 135—157, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.08>
4. Ondazra von, N. 2020, Die Brexit-Revolution, *SWP-Aktuell*, № 14, 8 p.
5. Чернега, В. Н. 2019, Франция и Германия: Диалектика сотрудничества и соперничества, *Актуальные проблемы Европы*, № 4, с. 158—171, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.09>
6. Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. 2023, Италия в треугольнике Рим — Париж — Берлин, *Современная Европа*, № 2, с. 5—18, <https://doi.org/10.31857/S0201708323020018>
7. Lang, K.-O. 2022, Warschau konfrontative Deutschlandpolitik, *SWP-Aktuell*, № 68, 8 p.
8. Трунов, Ф. О. 2023, Фактор выборов в межгосударственных отношениях: политический диалог Германия — Польша (2013—2022), *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 109—139, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
9. Česnakas, G., Juozaitis, J. 2022, *European Strategic Autonomy and Small States' Security*, Oxford, Routledge, 242 p., <https://doi.org/10.4324/9781003324867>
10. Klein, A. M., Herrmann, G. 2010, Die Beziehungen Deutschlands zu den Baltischen Ländern seit der Wiedervereinigung, *KAS Auslandsinformationen*, № 9, p. 65—80.
11. Ворожеина, Я. А., Максимов, И. П., Тарасов, И. Н. 2015, Евроатлантическая интеграция стран Балтии в политическом дискурсе Германии, *Власть*, № 10, с. 208—212.
12. Саликов, А. Н., Тарасов, И. Н., Уразбаев, Е. Е. 2016, Балтийский вектор внешней политики ФРГ на современном этапе развития международных отношений, *Балтийский регион*, № 1, с. 86—96, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-5>
13. Кретинин, Г. В., Катровский, А. П., Потоцкая, Т. И., Федоров, Г. М. 2016, Геополитические и геоэкономические изменения на Балтике на рубеже XX и XXI веков, *Балтийский регион*, т. 8, № 4, с. 18—33, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-4-2>

14. Lang, K.-O. 2023, Deutschland und Litauen: von der Verteidigungskooperation zur Sicherheitspartnerschaft, *SWP-Aktuell*, № 39, 8 p.
15. Трунов, Ф. О. 2019, Основные направления политико-военного сотрудничества Германии и стран Балтии на современном этапе, *Актуальные проблемы Европы*, № 3, с. 117—140, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.06>
16. Хорольская, М. В. 2022, Участие Германии в «инициативе трех морей»: перспективы для России, *Балтийский регион*, т. 14, № 2, с. 83—97, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
17. Худoley, К. К. 2016, Регион Балтийского моря в условиях обострения международной обстановки, *Балтийский регион*, т. 8, № 1, с. 7—25, <https://doi.org/10.5922/2074-9848-2016-1-1>
18. Кикнадзе, В. Г., Миронюк, Д. А., Кретинин, Г. В. 2019, Военно-политическая обстановка в Балтийском регионе в конце XX — начале XXI века: перспективы «худого мира», *Балтийский регион*, т. 11, № 1, с. 60—75, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-5>
19. Lang, K.-O. 2020, Polens und Litauens zweigleisige Politik gegenüber Belarus im Zeichen der Krise, *SWP-Aktuell*, № 73, 8 p.
20. Григонис, Э. П. 2013, Литва и Германия: «разъехавшиеся соседи», *Мир экономики и права*, № 7-8, с. 48—66. EDN: RBWVSF
21. Трунов, Ф. О. 2016, Свертывание военного присутствия России на территории «новой ФРГ» (1991—1994): ход и последствия, *Клио*, № 1, с. 145—154. EDN: VUCCHH
22. Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M., Vorrath, J. 2018, *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*, Berlin, German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 52 p.
23. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p.
24. Дырина, А. Ф. 2023, В Польше выбирают «Право и справедливость»: успех партии на выборах в 2015 и 2020 годах, *Актуальные проблемы Европы*, № 2, с. 91—108, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05>
25. Balcer, A., Blusz, K., Schmiege, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 34 p.
26. Мусаев, В. И. 2022, «Польский вопрос» в Литве и проблемы польско-литовских отношений на рубеже столетий, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 49—63, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-3>
27. Зверев, Ю. М., Межевич, Н. М. 2022, Республика Беларусь и Калининградская область России как субрегиональный комплекс безопасности, *Балтийский регион*, т. 14, № 3, с. 64—82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
28. Szabo, S. F. 2015, *Germany, Russia and the rise of geo-economics*, L., Bloomsbury, 187 p., <https://doi.org/10.5040/9781472596352>
29. Glatz, R., Zapfe, M. 2017, Ambitionierte Rahmegration: Deutschland in der NATO, *SWP-Aktuell*, № 62, 8 S.
30. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*, L., House of Commons Library, 69 p.

Об авторе

Филипп Олегович Трунов, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Россия.

E-mail: 1trunov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

MILITARY AND POLITICAL COOPERATION BETWEEN GERMANY AND LITHUANIA IN THE LATE 2010s TO EARLY 2020s

Ph. O. Trunov

Institute of Scientific Information
for Social Sciences Russian Academy of Sciences,
51/21 Nakhimovsky Prospekt, Moscow,
117418, Russia

Received 06 November 2023
Accepted 15 January 2024
doi: 10.5922/2079-8555-2024-1-4
© Trunov, Ph. O., 2024

Since the mid-2010s, Germany has significantly adjusted its approaches to the use of the Bundeswehr, pivoting its strategic focus from regions distant from the Euro-Atlantic community to those within or near it. This has underscored the pressing need to address issues related to securing steadfast allies in Eastern Europe and enhancing cooperation with them. This article aims to explore the current evolution of German-Lithuanian relations in both political and military domains. The approach of Germany to the factor of historical memory is demonstrated, along with its aspiration to position itself as the defender of Lithuanian national sovereignty. Yet, there was a notable lack of strategic focus from Germany towards Lithuania in the early 21st century, contributing to a decline in bilateral relations in 2014 and 2015. Amid the confrontation between the 'Western democracies' and Russia, Germany adopted a strategy of gradually but steadily increasing pressure on the opponent. The perception of this approach by Lithuanian elites has shifted from negative in the mid-2010s to increasingly positive as Germany has become more involved in deterrence of Russia. This article explores the process of the Bundeswehr troops' deployment and buildup up to having constituted the 'core' of a multinational brigade in Lithuania under NATO's mandate. The study focuses on the impact of military cooperation on political collaborations, as illustrated by the case of the B3+1 format, which has brought together high-ranking public officials from the three Baltic states and Germany since 2018. It is concluded that Germany has developed a dependence on Lithuania, driven by the increased desire of the former state to maintain the latter as a reliable junior partner.

Keywords:

Germany, Lithuania, Baltic states, historical memory, confrontation, NATO, Forward Presence Force, Bundeswehr, military presence, negotiation formats, interstate dialogue

References

1. Major, C., Swistek, G. 2022, Die NATO nach dem Gipfel von Madrid, *SWP-Aktuell*, № 49, 8 p.
2. Arzamanova, T. V. 2022, Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry, *Current problems of Europe*, № 4, p. 258—284, <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.11>
3. Belinsky, A. V., Nikulichev, Y. V. 2019, «American rollercoaster»: The evolution of US–Germany relations from 1989 to 2019, *Current problems of Europe*, № 3, p. 135—157, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.08>
4. Ondazra von, N. 2020, Die Brexit-Revolution, *SWP-Aktuell*, № 14, 8 p.
5. Tchernega, V. N. 2019, France and Germany: The dialectics of cooperation and competition, *Current problems of Europe*, № 4, p. 158—171, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.04.09>

6. Maslova, E. A., Shebalina, E. O. 2023, Italy in the Rome — Paris — Berlin triangle, *Contemporary Europe*, № 2, p. 109 — 139, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
7. Lang, K.-O. 2022, Warschaus konfrontative Deutschlandpolitik, *SWP-Aktuell*, № 68, 8 p.
8. Trunov, Ph. O. 2023, The electoral factor in inter-state relations: Germany-Poland political dialogue (2013—2022), *Current problems of Europe*, № 2, p. 109 — 139, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.06>
9. Česnakas, G., Juozaitis, J. 2022, *European Strategic Autonomy and Small States' Security*, Oxford, Routledge, 242 p., <https://doi.org/10.4324/9781003324867>
10. Klein, A. M., Herrmann, G. 2010, Die Beziehungen Deutschlands zu den Baltischen Ländern seit der Wiedervereinigung, *KAS Auslandsinformationen*, № 9, p. 65 — 80.
11. Vorozheina, Ya. A., Maksimov, I. P., Tarasov, I. N. 2015, Euro-Atlantic integration of the Baltic countries in the political discourse of Germany, *Vlast' (The Authority)*, № 10, p. 208 — 212.
12. Salikov, A., Tarasov, I., Urazbaev, E. 2016, The Baltic policy of Germany and current international relations, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 60 — 66, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-5>
13. Kretinin, G. V., Katrovskiy, A. P., Pototskaya, T. I., Fedorov, G. M. 2016, Geopolitical and geo-economic changes in the Baltic sea region at the turn of the XX — XXI centuries, *Baltic region*, vol. 8, № 4, p. 13 — 25, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-4-2>
14. Lang, K.-O. 2023, Deutschland und Litauen: von der Verteidigungskooperation zur Sicherheitspartnerschaft, *SWP-Aktuell*, № 39, 8 p.
15. Trunov, Ph. O. 2019, The main directions of political and military cooperation of Germany with Baltic states today, *Current problems of Europe*, № 3, p. 117 — 140, <https://doi.org/10.31249/ape/2019.03.06>
16. Khorolskaya, M. V. 2022, German participation in the Three seas initiative: opportunities for Russia, *Baltic region*, vol. 14, № 2, p. 83 — 97, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-2-6>
17. Khudoley, K. 2016, The Baltic Sea region and increasing international tension, *Baltic region*, vol. 8, № 1, p. 4 — 16, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2016-1-1>
18. Kiknadze, V. G., Mironyuk, D. A., Kretinin, G. V. 2019, The military and political situation in the Baltic region in the late 20th/early 21st centuries: the prospects of 'uneasy peace', *Baltic region*, vol. 11, № 1, p. 60 — 75, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-1-5>
19. Lang, K.-O. 2020, Polens und Litauens zweigleisige Politik gegenüber Belarus im Zeichen der Krise, *SWP-Aktuell*, № 73, 8 p.
20. Grigonis, E. P. 2013, Lithuania and Germany: «separated neighbors», *World of Economics and Law*, № 7-8, p. 48 — 66. EDN: RBWVSF
21. Trunov, Ph. O. 2016, Curtailment of Russia's military presence on the territory of the «new Germany» (1991 — 1994): progress and consequences, *Klio*, № 1, p. 145 — 154. EDN: VUCCHH
22. Glatz, R., Hansen, W., Kaim, M., Vorrath, J. 2018, *Die Auslandseinsätze der Bundeswehr in Wandel*, Berlin, German Institute for International and Security Affairs, Stiftung Wissenschaft und Politik, 52 p.
23. Lang, K.-O. 2018, Deutschland und Polen: Kooperation trotz Differenzen, *SWP-Aktuell*, № 12, 8 p.
24. Dyrina, A. F. 2023, Poland elects «Law and Justice»: the party's success in the 2015 and 2020 elections, *Current problems of Europe*, № 2, p. 91 — 108, <https://doi.org/10.31249/ape/2023.02.05>
25. Balcer, A., Blusz, K., Schmieg, E. 2017, *Germany, Poland and the future of transatlantic community*, Warsaw, Wise Europe, 34 p.
26. Musaev, V. I. 2022, 'Polish question' in Lithuania and problems of Polish-Lithuanian relations at the turn of the century, *Baltic region*, vol. 14, № 3, p. 49 — 63, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-3>
27. Zverev, Yu. M., Mezhevich, N. M. 2022, The republic of Belarus and the Kaliningrad region of Russia as a sub-regional security complex, *Baltic region*, vol. 14, № 3, p. 64 — 82, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-3-4>
28. Szabo, S. F. 2015, *Germany, Russia and the rise of geo-economics*, L., Bloomsbury, 187 p., <https://doi.org/10.5040/9781472596352>
29. Glatz, R., Zapfe, M. 2017, Ambitionierte Rahmennation: Deutschland in der NATO, *SWP-Aktuell*, № 62, 8 S.

30. Mills, C. 2023, *Military assistance to Ukraine since the Russian invasion*, L., House of Commons Library, 69 p.

The author

Dr Philipp O. Trunov, Leading Research Fellow, Department for European and American Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: 1trunov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))